

мастера современной прозы

ХАНС КРИСТИАН БРАННЕР

Ханс Браннер

Ариэль

Браннер Х. К.

Ариэль / Х. К. Браннер —

Рассказы Ханса Кристиана Браннера, посвященные взаимоотношениям между мужчиной и женщиной и между взрослыми и детьми, создали писателю заслуженную славу мастера психологической новеллы.

Ханс Кристиан Браннер

Ариэль

Он очнулся от сна и в первый миг не мог понять, где он. Распахнул глаза в такую густую тьму, что в ней ничего нельзя было различить, а когда привычно потянулся к выключателю, рука повисла в пустоте, и его пронзил ужас. Ослеп, в отчаянии подумал он и будто рухнул сквозь все взрослые годы в детство, в детский страх перед тьмой: ослеп и брошен в чужом краю и вокруг – неведомая опасность.

Спустя мгновение он уже пришел в себя и посмеялся над своим глупым страхом. И тьма не чужая, и он в ней не один. Осторожно перевернулся он на бок, чтобы услышать сонное дыхание рядом, и протянул руку, стремясь нащупать ее плечо, найти ее, опознать. Но дыхания он не услышал, и рука встретила в перине пустую вмятину. Значит, она украдкой выбралась из кровати, пока он спал. Но с тех пор не могло пройти много времени: подушка еще хранила тепло ее тела, отпечаток ее щеки, запах ее волос. Он приподнялся на локте, стараясь не дышать, но кругом не было никаких звуков – только тихий шепот дождя над дерновой крышей и чуть подальше – мрачный свист ветра в верхушках сосен. Он не стал, однако, тревожиться о женщине. Подобравшись поближе к стенке, он нырнул в теплый мрак под ее одеялом и спокойно принялся ждать. Конечно, она только-только ушла и, видно, сразу заспешила назад: все ближе и ближе к дому ее шаги. Ему даже не надо прислушиваться – легкими толчками отдаются они в его жилах, волнуя кровь: шаги летят вверх по склону, бегут мимо окна, спешат по террасе к двери, и вот – сердце на миг перестало биться – кто-то неслышно толкнул и притворил дверь, и тут же раздался тихий, бесповоротный щелчок ключа, повернутого в замке. Он улыбнулся в своем полусне и словно бы видел руку, смертельно твердую руку женщины, покорной чужой странной воле. Покорной самой природе, подумал он, смежив веки, природе, не ведающей стыда, но свершающей свои таинства во мраке и в тишине.

И вот она уже в комнате, снует босая взад и вперед почти без звука, разве что скрипнет половица или пискнет на петлях печная дверца. Женщина поворошила золу, чтобы вспыхнули угли, и добавила в печку дров. Он лежал, широко раскрытыми глазами следя за ее работой, и видел, как, встав на колени и вся подавшись вперед в красноватом отблеске пламени, она стерегла огонь. Он хотел сомкнуть веки, бежать от этой картины, хотел вырваться из этого сна наяву, снова вернуться во мрак, в небытие, а не то стряхнуть с себя сон и развеять чары, но было уже поздно: он услышал треск пламени, дрова занялись и жаркие струи света хлынули на нее, схватили и вырвали из мрака нагое тело – и водопад волос, скрывавших ее лицо, и склоненную шею, и беззащитно обнаженные плечи, руки и грудь, всю нежную красоту женщины, лишь венчавшую ее необоримую сущность, непреложную правду – могучие своды бедер вокруг ее лона. Он лежал не шевелясь и глядел на нее словно бы и во сне, и въяве, растянутый на дыбе безвременья между мукой и сладострастием: ни пошевелить рукой, ни подумать о чем бы то ни было. Но при том он знал нерушимо, что образ женщины, на коленях стерегущей огонь, никогда не исчезнет из памяти, а пребудет с ним до конца его дней, до провала в смертную мглу.

В последний раз попытался он сбросить оковы сна, подать ей знак, окликнуть ее по имени, но не было сил разбить немоту тела, и женщина встала с колен, медленно, как сомнамбула, пересекла комнату, и вот она уже рядом – обхватила его, налегла на него убийственным грузом. Густые черные волосы накрыли его смертоносной волной – волосы, мокрые от дождя, пахнущие землей, травой и хвоей; влажный холод ее волос, рук и ног одолел сухой жар его тела, всосал его в себя, поглотил его, в ознобе лежал он рядом с ней, дрожа от всевластного холода,

настолько сильного, что изнутри жег его пламенем, и он чувствовал, что вот-вот умрет. Но он не умер и не воспрянул от сна, а лишь все глубже увязал в джунглях желания и уже перестал быть самим собой, а был ею, женщиной, той, что бежала от него в ночь, в ливень, босая мчалась по песку, ломилась сквозь мрак сосняка, сквозь хруст сосновых сучьев и, исхлестанная ветвями, вырвалась на скат против моря и упала в траву, распласталась в мокрой траве под дождем и жадно глотала дождь, падавший с неба. Ее глазами смотрел он, осязал ее кожей, ее слухом ловил близкий шум моря и чувствовал в то же время, хмелея от счастья, что и она отринула свою женскую суть и вселилась в него, женской властью своей околдовав его жесткие спокойные руки, и, мягкая, нежная, стлалась под ними, тяжело оседая на ложе, и руки наконец пригвоздили ее к нему, готовую принять в себя мужчину. Медленно погружался он в пучину женского тела, и медленно подкатывали волны, морские волны: то возносили их обоих на гребень, то опускали вниз, то ласково и неспешно, то так, что захватит дух, а после покажется, что сейчас засосет в бездну, и наконец их настигла последняя злая волна, во тьме занесла над ними белый пенный завиток и замерла, долго-долго не опадая, спаяв их в одно и испепелив. Все это время он прижимался лицом к плечу женщины, хороня его в черных, гладких ее волосах с их влажным, соленым запахом моря, и только в самый последний миг она властно обхватила и приподняла его голову, чтобы встретиться с ним глазами. Он увидел, как что-то дрогнуло в ее зрачках, лицо ее исказилось, сделалось безобразным и рот раскрылся в беззвучном крике. Но когда все было уже позади и он вновь потянулся к ней, чтобы, разбив молчание, приласкать ее, снова привлечь к себе, она рукой закрыла ему рот, покачивая головой, отвернулась и легла лицом к стенке.

Он улыбнулся про себя и подумал: а ведь она права – что еще могут они теперь сказать друг другу, слова бессильны что-либо отнять или добавить.

Никогда прежде не знал он такой упоительной легкости и покоя, такой блаженной опустошенности и утомления. Он с силой потянулся и почувствовал, как к нему подкрадывается дремота: медленно завладевала она его телом, медленно пронизывала его вплоть до кончиков пальцев. Уже и веки сомкнулись, и с вещей слетели маски, и мысли сбросили чинный наряд, отсеченные от места и времени, но по-прежнему неуверенно-робко мешкали на пороге. Слуха его коснулось смутное грохотанье: то ли с воли доносилось оно, то ли из тесной комнаты, где кругами разливалось тепло, и он сказал себе, что надо бы встать и захлопнуть печную дверцу. Но теперь уже поздно было вставать, идти через всю комнату к печке, поздно, да и без смысла – все, что могло случиться, уже случилось, и ничего уже не изменишь, нечего бояться, и нечего ждать, и только одно осталось: видение женщины на коленях перед огнем.

И в пропасти сонной мглы его подстерегал этот образ – вечное, неизбывное, долгожданное воплощение давней мечты. Мечта была с ним всегда, но зримый облик ее пришел к нему на излете детства, в пору, когда он впервые почуял дыхание смерти и ощутил ее близость. Теперь же он достиг середины пути, не стар, но и не молод, хоть и пребывал в гуще жизни: все желания уже сбылись, а смерть глубоко затаилась в нем и в то же время надолго отодвинулась от него. Он знал все это – и спал. Очнулась мысль и стала биться об скорлупу сна, сковавшего его, но он не допустил ее до себя и вновь извергнул в пространство, где она скрылась, как метеор, прочертивший свой короткий и светлый путь в ночном небе.

В самом разгаре сна на него вдруг нашла тревога; он повернулся к чужому, далекому существу рядом с собой, протянул к нему руки и в потемках стал искать ту, что недавно была с ним, но какой чужой и далекой казалась она теперь... хоть и она тоже повернулась к нему и обняла его и оба сонных дыхания слились во мраке в единый ровный напев.

Когда он очнулся вновь, дрова в печи давно уже прогорели. Пройдя сквозь стены, морской воздух наполнил низкую комнату влажным холодом, за тонкой занавеской серым и недвижным пологом стояла рассветная мгла. Убрав голову с плеча женщины, он высвободился из ее объятий, тихо, не смея дышать из страха ее разбудить, ступил в чем мать родила на дере-

вянный пол, пошатываясь на слабых, неверных ногах, словно бы разучившихся ходить. Ощупью начал он пробираться сквозь тьму, сквозь лабиринт разных предметов, дивясь в то же время тому, что слабый отсвет зари не всплывает в окошко, а, напротив, вроде бы отодвигается вдаль. Где ты? – спросил он себя. Зачем ты здесь? И тут вдруг светлый квадрат прыгнул ему навстречу; он споткнулся, стал падать, но успел ухватиться за что-то и устоял на ногах, держась двумя руками за подоконник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.